Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры - Русское издание
№ 2, 2005 - http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss4.html

Леонид Люкс

Конец или возвращение истории? О противостоянии Запада и Востока.

Когда Фрэнсис Фукуяма выдвинул в 1989 году свой нашумевший на весь мир тезис о конце истории, он хотел в сущности сказать, что многовековое противостояние Запада и Востока (под Востоком здесь подразумевается чуть ли ни весь остальной мир) завершилось. Рациональный и индивидуалистический Запад, который не раз уже хоронили, вспомним одного лишь Шпенглера, одержал полную победу над мистическим, патриархальным и иррациональным Востоком. Единственное чего теперь еще опасался Фукуяма – это мировой скуки, в связи с этим окончательным завершением борьбы миров.

Апокалиптические теракты 11-го сентября 2001 г. направленные против символов западного могущества в Нью Йорке и Вашингтоне были как бы ответом на триумфализм Фукуямы. История снова вернулась на сцену, и это ее возвращение происходит в виде повторения определенных исторических сценариев, с которыми уже не раз сталкивалось человечество. Чтобы лучше понять суть этих сценариев, я хотел бы обратить Ваше внимание на события, которые произошли на рубеже 15-го и 16-го веков, т.е. на пороге Нового Времени, когда противостояние между Западом и остальным миром в сущности началось. В эту эпоху взор западного человека, который еще в средневековье был направлен в мистическую глубину изменил свое направление. Не трансцендентный мир, которому надо было подчиняться а посюсторонний, который надо покорить, находился теперь в центре внимания эпохи. Люди чувствовали себя как бы пробудившимися от долгого средневекового сна. Они вышли из сурового готического храма и увидели дневной свет. Не Бог, которого невозможно увидеть, но зримый мир и они сами, хозяева этого мира – вот предмет их внимания и восхищения. Их не останавливает упрек в гордыне (superbia), которая в Средние века считалась худшим из пороков. Возникает культ героев и гениев, ярче всего воплотивших это самоутверждающее начало. Человек Запада не только погружался теперь в мистические тайны, но и пытался их разгадать - в первую очередь тайны природы, чтобы эффективнее ее покорять. Это фаустовское, прометеевское стремление к всемогуществу не признавало никаких преград, преодолевало всякое сопротивление, подчиняло не только природу но и континенты, в сущности весь земной шар. А те незападные страны, которые пытались во что бы то ни стало сохранить свою независимость, вынуждены были перенять европейские образцы мышления и поведения. Первой страной, которая вступила на такой путь развития, была Россия в эпоху Петра.

В российской истории не было пожалуй, более глубокой революции чем петровская. Ведь до Петра московскому государству не мешала его технологическая и экономическая отсталость, так как оно, в отличие от Запада, обладало»правильной» верой. Поэтому технические достижения западных соседей никаких комплексов неполноценности в России не вызывали. Все не относящееся непосредственно к церкви и религии – искусство, науки и пр. – рассматривалось в допетровской России «как праздное любопытство неглубокого ума или как лишние несерьезные забавы» (Ключевский).[1]

Но Петр повернул взор русского человека с неба на землю и сверг богоизбранный Третий Рим с пьедестала, и он оказался вдруг всего лишь отсталой европейской страной. Основная драма будущей России таким образом была предопределена. Православно-монгольское наследие и петровский замысел обречены были теперь на противоборство и на сосуществование. Превратить Россию в «нормальную» европейскую страну не удалось ни Петру, ни его преемникам. Но и путь к допетровской старине был окончательно закрыт.

Россия была первым государством, которое не будучи европейской колонией, вступило на путь европеизации. Лишь полтора столетия спустя пошла по ее стопам Япония, а после Первой Мировой Войны, в эпоху Ататюрка, Турция.

На примере России особенно ярко видны, все те трудности с которыми сталкивается каждая попытка европеизации незападной страны. У России накопился уже трехсотлетний опыт подражания Западу и его одновременного отрицания.

Радикальные критики Петра, славянофилы и евразийцы, считали, что Петр своей реформой уничтожил тот фундамент, на котором покоилась мощь России. Ни одному из иностранных завоевателей еще не удавалось до такой степени разрушить национальную культуру и формировавшийся веками национальный уклад, писал один из основоположников евразийства, князь Николай Трубецкой.[2] Богослов Георгий Флоровский писал в 1922 г., когда он еще принадлежал к евразийскому движению, что Петр I перенял европейские начала, оставшиеся непонятными народу, поэтому русская революция – это суд над послепетровской Россией.[3]

Евразийцами не берется во внимание, что идеализируемая ими Московская Русь постепенно начала задыхаться от своей автаркии и собственного самодовольства, что по крайней мере со времени террора Ивана Грозного начался беспрецедентный кризис российской идентичности. Чтобы преодолеть становящуюся все более глубокой культурную стагнацию Россия срочно нуждалась в культурных побуждениях извне, и откуда они могли прийти, если не с Запада? Не

---

[1] Ключевский, В.О.: Курс Русской Истории, в: Ключевский: Сочинения, том 3, М. 1957, с. 283-284.

[2] I.R. (Н. Трубецкой): Наследие Чингис Хана. Взгляд на русскую историю не с Запада а с Востока, Берлин 1925, с. 35-39.

[3] Г.Флоровский: О патриотизме праведном и греховном, в: На путях. Утверждение евразийцев. Книга Вторая, Москва-Берлин 1922, с. 230-293.

случайно, говорит Владимир Вейдле, что Петр Первый открыл окно не в сторону Мекки, не на Лхасу, но в Европу. Правда, согласно Вейдле, петровский замысел имел исключительно технократическую природу. Петр отождествлял культуру с технократической цивилизацией. Тем не менее он интуитивно выбрал – через восстановление культурного единства христианского мира – плодотворный для России путь развития. Беспримерные достижения петербургской России были следствием петровского переворота, продолжает Вейдле свои рассуждения, но Петр также косвенно виновен и в катастрофе, которая разрушила его построение.

Вейдле, как и евразийцы, осознает хрупкость фундамента, на котором была воздвигнута петербургская Россия. Но он не видит альтернативы петровской программе. Отход от Европы для России невозможен, потому что она в результате своей христианизации стала неотъемлемой частью европейской культуры.[4]

Анализируя русскую революцию надо однако подчеркнуть, что она не ограничивалась, как известно, спонтанным протестом масс против творения Петра. Парадоксальным образом это народное восстание соединилось с движением стремящимся продолжить петровский замысел. Ведь большевики ставили своей целью превратить отсталую, «полуазиатскую» Россию в передовое, промышленное, европейское государство.

Однако в отличие от петровской революции, большевистская привела не к преодолению раскола между Западом и Востоком, а наоборот. Новый режим беспощадно боролся при помощи «красного», а потом сталинского террора, против русского европеизма, изгнал сотни тысяч его приверженцев за пределы страны и закрыл открытое Петром окно в Европу.

Особую роль в борьбе с Западом и такими западными ценностями как индивидуализм, либерализм или же вера в разум играет Германия. Уже Достоевский назвал Германию «страной протестующей». В «Дневнике писателя» за май-июнь 1877 г. он говорит:

> «Характернейшая [...] черта этого великого, гордого, особого народа, с самой первой минуты его появления в историческом мире, состояла в том, что он никогда не хотел соединиться в призвании своем [...] с крайне-западным миром, т.е. со всеми преемниками древне-римского призвания. Он *протестовал* против этого мира все две тысячи лет, и хоть и не представил [...] Своего Слова [...] взамен древнеримской идеи, но кажется всегда был убежден, что в состоянии представить это Новое Слово.»[5]

Гельмут Плесснер объясняет немецкий протест против Запада, достигший своей первой кульминации в 1914 году, среди прочего тем, что Германия «упустила» 17 век, эпоху, когда началось победное шествие просвещения и политического гуманизма. В немалой степени это «упущение» было виной тому, что Германия оказа-

[4] В. Вейдле: Задача России, Нью-Йорк 1956.
[5] Ф. М. Достоевский: Дневник писателя за 1877 год, YMCA-Press Paris, с. 209-210.

лась «опоздавшей» нацией превратившись в противника Запада и сформировавших Запад идей.[6]

После поражения якобы «не побежденной на поле боя» нации в Первой Мировой войне правые круги в Германии все настойчивей демонизировали победителей, так и отстаиваемые ими демократические ценности.

Суровость Версальского договора, по своему характеру, кстати, не слишком сильно отличавшегося от заключенного немцами победоносного мира на востоке в марте 1918 года (Брест-Литовский мир), поборники национального реванша считали вполне достаточным основанием для того, чтобы смести существующий европейский уклад. Оскорбленное национальное самолюбие стало господствующим мотивом их образа мыслей, определяло их тактику; соображения касательно общеевропейского и христианского наследия уже не играли никакой роли.

Заимствованный у Запада либерализм был провозглашен сторонниками Консервативной революции и других националистических группировок смертельным врагом немцев. Для Мюллера ван ден Брука либерализм был «моральным заболеванием нации», свободой от каких бы то ни было убеждений, выдаваемой за убеждения.[7]

Характерная для консервативных революционеров псевдоэтическая установка проявляется здесь особенно отчетливо. Те, кто из-за допущенной в Версале несправедливости были готовы разрушить весь европейский порядок, кто готов был насмехаться над гуманизмом, не задумываясь бросали либерализму упрек в равнодушии к морали.

Грезы консервативных революционеров о национальной диктатуре, об упразднении либерального государства «без чести и достоинства», о Германии, готовой к войне, грезящей о безграничной экспансии, вплоть до господства над миром, их тоска по сильной руке, по завершающей историю «третьей империи» закономерно должны были воплотиться в фактически установленный 30 января 1933 года Третий рейх. В глазах большинства радикальных критиков веймарской демократии принадлежавших консервативно-революционному либо правому лагерю, взлет НСДАП означал конец ненавистной им либеральной эпохи и начало национального возрождения. Вот почему в первое время после образования Третьего рейха они относились к новому государству – не без основания - как к собственному детищу. Но это была история с учеником чародея. Лишь постепенно им стало ясно, каких демонов они растревожили. Утрата иллюзий приняла весьма широкие масштабы.

Упразднение Веймарской демократии и отмена ограничений, наложенных Версальским договором, большинство немецких консерваторов считало выдающимся успехом Гитлера. Заключение инакомыслящих в концентрационные лагеря и превращение евреев в людей второго сорта рассматривались как вынужден-

[6] H. Plessner: Die verspätete Nation, Stuttgart 1974.
[7] A. Moeller van den Bruck: Das dritte Reich, Hamburg 1931, c. 69-71.

ные издержки. Тенденция тоталитарного режима ко все большей радикализации, таящаяся в нем угроза в конечном итоге обратиться и против тех, кто его поддерживал, даже против его основателей, недооценивалась ни в Германии, ни в Советском Союзе.

Национал-социалистический режим достиг вершины своей радикальности незадолго до своего краха. Почитатель Рихарда Вагнера Гитлер пытался инсценировать гибель Третьего рейха как «сумерки богов». Гитлер считал себя и «новый порядок» апогеем немецкой истории. С его смертью должна была завершиться и немецкая история. В марте 1945 года Гитлер заявил в беседе с министром вооружений Шпеером:

«Если будет проиграна война, исчезнет и немецкий народ. Нет необходимости сохранять основы, которые нужны немецкому народу для продолжения примитивного существования. Напротив, лучше уничтожить сами эти основы. Ибо народ проявил свою слабость и будущее исключительно принадлежит более сильному восточному народу. Все, что останется после этой битвы, и без того неполноценно, ибо все наиболее ценные представители нации погибли на фронте».[8]

Так крах немецкого особого пути, сопротивления западным идеям открытого общества, правового государства и суверенности человеческой личности ознаменовался беспримерным саморазрушением.

Опустошительный опыт второй Мировой войны привел к коренному изменению политической культуры, причем не только в Германии, но и на всей западной половине европейского континента. В конце концов стало понятно, что обожествление так называемого здорового национального эгоизма, характерное для 19 века, ведет к гибели. Этот опыт лег в основу европейских процессов интеграции.

После смерти Сталина выяснилось, что не только национал-социалистическая, но и сталинская система была тесно связана с личностью вождя и пережить его у нее не так много шансов. Буквально через несколько дней после смерти диктатора его ближайшие соратники, «послушные исполнители», приступили к постепенному, робкому демонтажу сталинской системы.

XX съезд КПСС в феврале 1956 года, на котором произошло «посмертное свержение тирана», положил начало процессу, который, несмотря на все попытки реставрации спохватившейся верхушки, уже нельзя было остановить. Этот процесс вел к постепенному отходу страны от революционного, классово-антагонистического особого пути, на который она вступила в 1917 году. Часть российской общественности дистанцировалась от господствующей с 1917 года этики классовой борьбы и повернулась лицом к универсальным ценностям, таким как права человека. Это в первую очередь относится к сформированному в шестиде-

[8] См. H.-U. Thamer: Verführung und Gewalt. Deutschland 1933-1945, Berlin 1986, c.760.

сятые годы правозащитному движению. Напрямую достичь своих целей правозащитникам не удалось, все их организационные структуры были разгромлены к концу семидесятых – началу восьмидесятых годов. И все же они победили. Об этом свидетельствует то, что провозглашенное Горбачевым «новое мышление» во многих пунктах – осознанно или нет – опиралось на разработанные правозащитниками принципы. Тем самым Генеральный секретарь ЦК КПСС невольно совершил одно из крупнейших преобразований в истории XX века. Ибо «мораль классовой борьбы», сердцевина коммунистической идеологии, никак не согласовалась с декларируемым Горбачевым «приоритетом общечеловеческих ценностей». [9]Господствующая прежде коммунистическая иерархия ценностей была расшатана, а вместе с ней и весь политический фундамент прежнего государственного строя. Начался постепенный «возврат России в Европу» – с многочисленными отступлениями, тернистый путь страны к «открытому обществу».

В то же время произошел распад ГДР и объединенная Германия интегрировалась в европейские структуры, завершила свой «долгий путь на Запад», как это сформулировал берлинский историк Генрих-Август Винклер.[10]

Итак раскол Европы был преодолен, но отнюдь не раскол между Западом и Востоком и взрывы 11-го сентября, как бы начавшие 21-ый век, лучшее тому доказательство: «Почему же [...] в исламе, где век за веком прославляют имя Бога милостивого и милосердного, глобальный террор пустил особенно глубокие корни?», спрашивает Григорий Померанц:

«Почему именно мусульманский экстремизм стал мировой силой? 'Прежде всего потому', отвечает востоковед и публицист, что ислам с самого начала был и остается мировой силой. [...] Победа экстремизма в исламе сразу становится мировым событием и ставит под вопрос гегемонию Запада [...] Ислам не может принять победу секуляризма и отход религии на второй план, на роль частного дела верующих», продолжает Померанц: «Ислам, по идее своих ревнивых исповедников, или является всем, или становится ничем».[11]

Но «всем» была в свое время и идея «святой Руси» и «Москвы - Третьего Рима». Поэтому многие в России так и не смогли смириться с созданным Петром секуляризованным, светским государством. И все таки несмотря на все это противоборство, культура петербургской России является лучшим того доказательством, что синтез между Западом и Востоком возможен, что эти два мира не обречены на вечную вражду. Апогеем этого развития стал религиозно-философский ренессанс начала прошлого века, который опирался и на западный рационализм и на православную духовность. Хотя большевистская революция насильственно пре-

[9] М.С.Горбачев: Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира, М.1987, с. 149.
[10] H.-A.Winkler: Der lange Weg nach Westen, Band 1-2, München 2002.
[11] Г.С.Померанц: Религиозная немузыкальность и постсекуляризм, в: Вторая навигация. Альманах 4, 2003, с. 22.

рвала дальнейшее углубление этого синтеза, идеи религиозно-философского ренессанса продолжали развиваться в эмиграции и после падения железного занавеса начали постепенно возвращаться на родину.

Могут ли они стать образцом восприятия западных идей и для других культур Востока? Этот вопрос остается открытым.